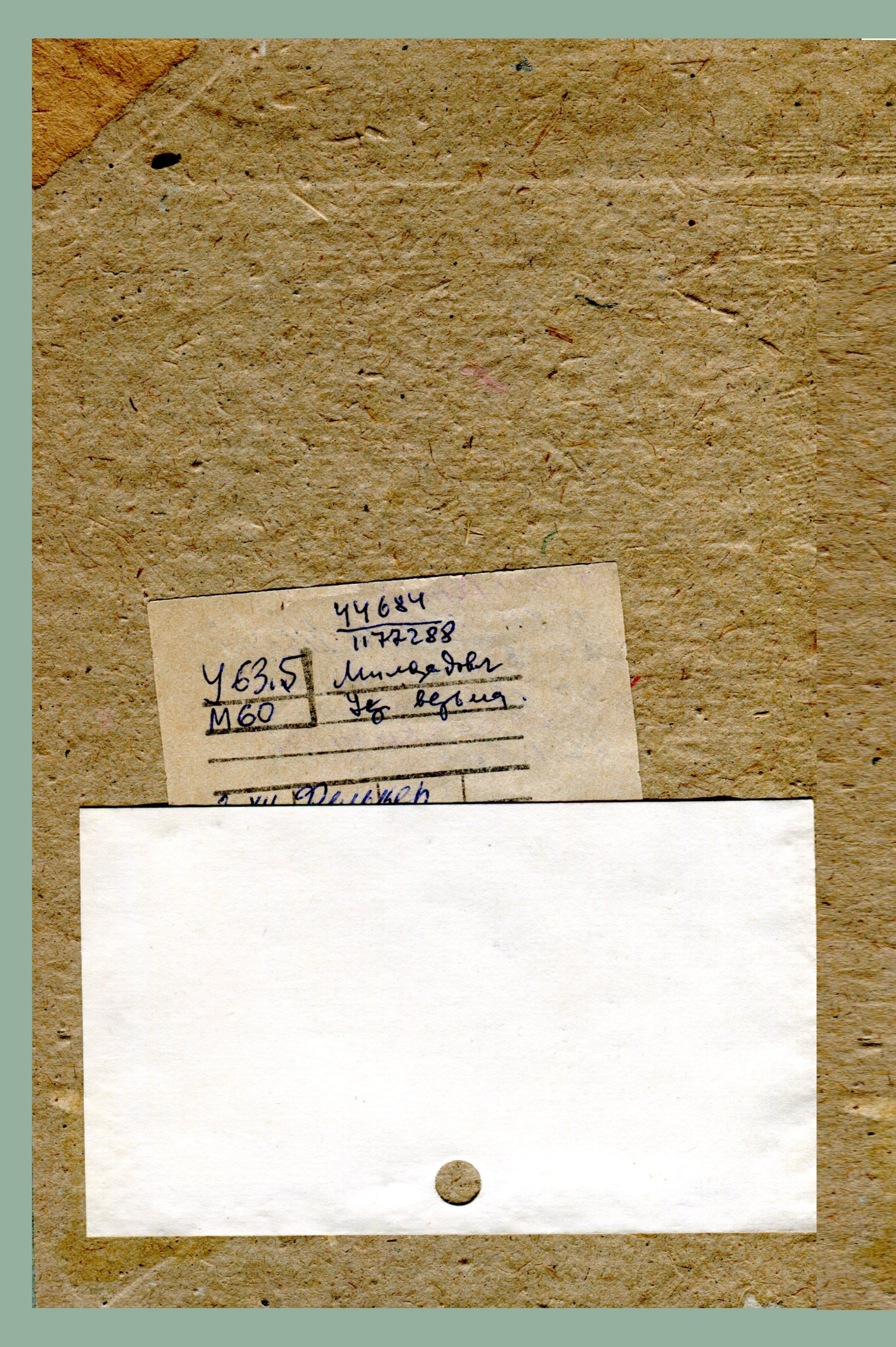
Милорадович В.

Украинская ведьма

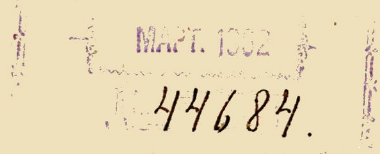

44684
1177288
Ч 63.5
М60

В. Милорадовичъ.

УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА.

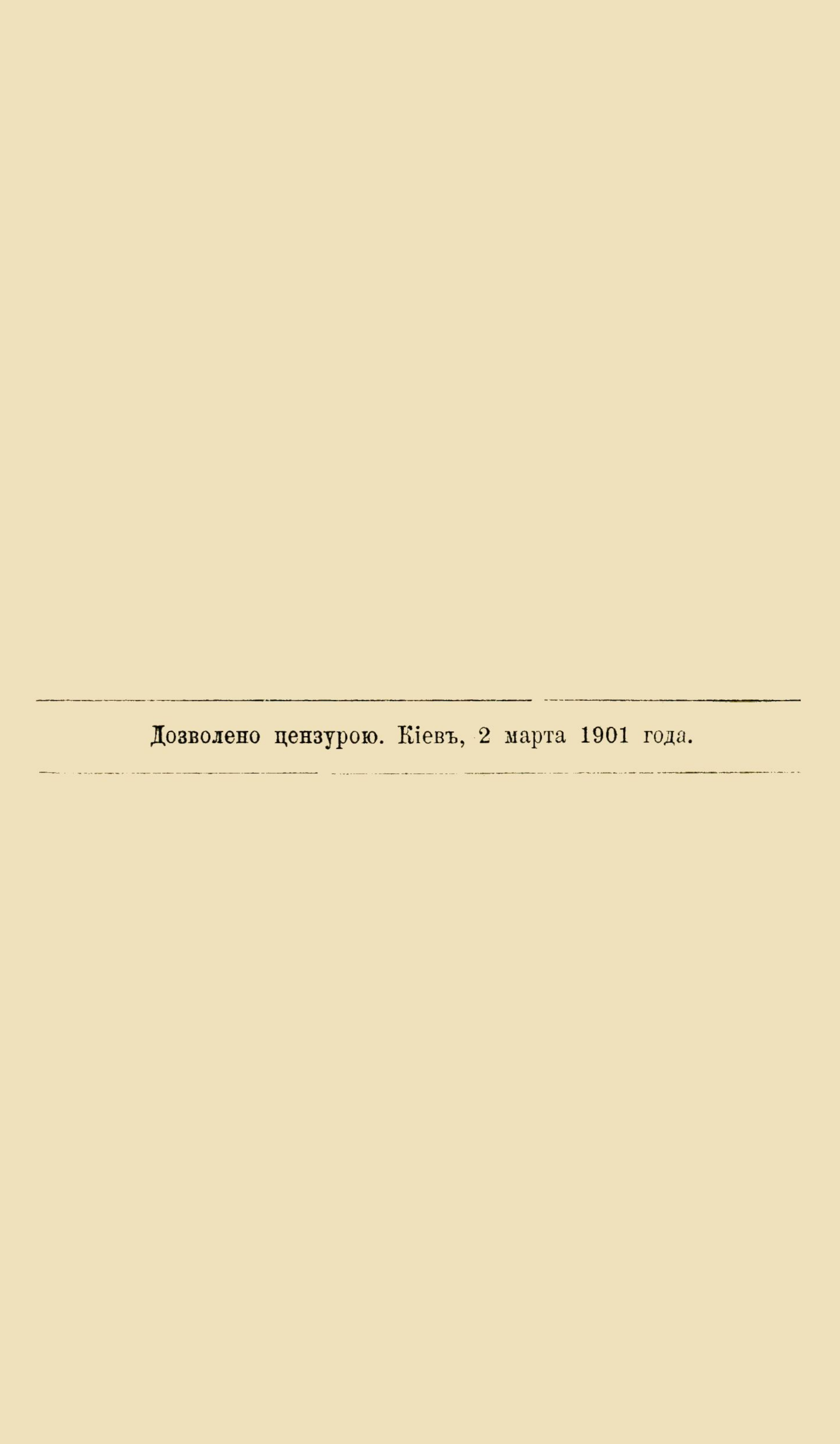
Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

ІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 2 марта 1901 года.

УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА.

(ОЧЕРКЪ).

Внѣшность вѣдьмы. Испытанія ея и подготовленіе къ дѣятельности. Превращенія, полеты, сборища вѣдьмъ; вредная дѣятельность послѣднихъ, направленная на личность и собственность. Оберѣги отъ вѣдьмъ, поимка ихъ, испытаніе водой, сожженіе, побои, увѣчья, конфискація имущества. Естественная смерть вѣдьмы.

Отвратительная, зловѣщая старуха, съ загнутымъ носомъ, красными, опущенными внизъ глазами—таковъ портретъ вѣдьмы въ малорусскихъ и западно-европейскихъ этнографическихъ сборникахъ [1]). Устные народные разсказы Лубенскаго уѣзда прибавляютъ къ этому портрету еще слѣдующія черты. „Видьма въ лыци миняста, жовта, очи чорни—глыбоко. Поглядъ у неи негарный. Іи по очамъ пизнають. Вона на сонце праведне не буде дывиться и въ церкви усе дывытся унызъ.“ Кромѣ лица, главнымъ отличительнымъ признакомъ вѣдьмы признается хвостъ, и убѣжденіе въ существованіи хвостатыхъ людей распространено между отдаленнѣйшими арабскими, африканскими, меланезійскими пле-

[1]) Чубинскій. Тр. Экспед. т. 1, в. 1. 197. Ивановъ. Народн. разсказы о вѣд. въ Сб. Хар. Ист.-Филол. Общества, т. III, 164. Канторовичъ. Среднев. проц. о вѣд., 20. E. Monseur. Le Folklore Wallon. Bruxelles., 85.

менами[1]). Другой внѣшній признакъ вѣдьмъ—черная полоса волосъ отъ затылка до пояса (какъ у вятки) попадается только среди народныхъ представленій о вѣдьмѣ въ Харьковской губерніи[2]). Перечисленныя особенности только и могуть, конечно, принадлежать „родовытій“ вѣдьмѣ; ученой-же—дѣлается каждая женщина, выдержавшая испытаніе. Это испытаніе, какъ видно изъ печатныхъ источниковъ[3]) и устныхъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, заключается, кромѣ поруганій святыни,[4]) еще въ образномъ представленіи будущей дѣятельности вѣдьмы и ея грядущей судьбы. Испытываемая подходитъ въ полночь къ рѣкѣ, откуда вылазятъ пресмыкающіяся, которыхъ будущая вѣдьма доитъ и беретъ зубами; затѣмъ пресмыкающіяся жадно расхватываютъ сыръ, какъ впослѣдствіи разорвутъ вѣдьму или ея душу. Нѣсколько отличенъ искусъ вѣдьмы въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. „Жинка просыла своеи кумы: „навчы й мене видьмыть“. А кума каже: „не выдержышъ“.—Выдержу. —Прыходь завтра“. У вечору прыйшла та жинка до кумы и кума повела на ихъ собраніе. Здохла кобыла, и въ кобылы и гады, и черепахы, и жабы; и туды тій куми пролазыть. Вона те побачыла та й назадъ и ти видьмы навелы ій *прычыну* и вона ошалымоныла, ума тронулась“. (Отъ кр. с. Пѣсокъ И. Рябича).

„Одна жинка другу вчыла, повела до колодкы, а у тій колодци червы ворушатся,—и сказала: „Якъ ты вывчышся видьмою, такъ отакъ на тимъ свити будуть твою душу червы точыть. А якъ поведу тебе до ричкы,—щобъ ты не боялась, стояла“. Повела, трычи свыснула. Выскочылы нечысти. Сталы воны іи розважать,—ту, шо вчылась, казать: „поступай до насъ, и буде

---

1) Comte H. de Charencey. Le folklore dans les deux mondes. Paris. 1894. 264, 268.

2) Ивановъ. 164.

3) Чубинскій. Тр. 1., в., 1., 198, 199. Чернявская. Обр. и пѣсни с, Бѣлозерки, Херс. губ., 4; Кіев. Старина 1894 г, Ш, 553.

4) Ивановъ. 168, 172.

тоби хороше жыть". И та женщына переляқалась, не схотила". (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сизёненковой).

„Въ Хитцяхъ йе баба, уси кажуть—видьма. Вона и другихъ обучала. Узяла соби двохъ молодыць и узяла паляныцю и повела ихъ до комашни; узяла розломыла надвое паляныцю и половыну устромыла у комашню, а другу половыну переломыла ще разъ на два куска и ти молодыци танцювалы кругомъ комашни и йилы той кусокъ. А видьма прыказуе имъ: танцюйте, танцюйте, а то и поклониться тій комашни. Потимъ сказала: идить до-дому и не оглядайтесь назадъ, покы ажъ до-дому не дійдете, а въ-ранци встанете до схидъ сонця и пидете туды до комашни и той шматокъ возьмете. А чоловикъ ишовъ тай чувъ ихъ розговоръ та взявъ той шматокъ вынявъ та собаци и оддавъ. Всталы ти молодыци утромъ, пишлы до тіеи комашни, довбалысь, довбалысь, нема ничого—уже взято. Пишлы воны до тіеи, що вчыла, и давай іи допрошувать: „на що ты взяла? сама клала, сама й узяла!" А вона имъ божытся, шо не брала. Давай воны спорыться и за косы водыться, такъ, шо и люде взналы. Жинкы ти кажуть видьми: сяка-така дочко! то хочъ яке-небудь було молоко въ нашыхъ коровъ, а теперъ нема ніякого". (Отъ кр. с. Хитцовъ Дм. Погорилого).

„Чоловикъ бачывъ, якъ дви видьмы у саду поскыдалы запаскы и очипкы и ходять до вышни, або грушй, мовъ до коровы". (Отъ кр. м. Снѣтина. К. Прихидькиной).

Много свѣдѣній, необходимыхъ для дальнѣйшей дѣятельности, получаютъ вѣдьмы, сорвавъ цвѣтокъ папоротника. „Воны ходять на Ивана Купала и ждуть, якъ цвите папорочъ. Вона тилько половыны ночи цвите, а то сейчасъ же опада. Розризуютъ долонь и запынають пидъ шкуру, шобъ все знать." [1]) Въ основаніи всякой дѣятельности вѣдьмъ находится умѣніе превращаться въ неодушевленные и одушевленные предметы, безъ чего самая дѣятельность эта не всегда была-бы возможна. Спо-

---

[1]) «О томъ же» Чернявская. Обр. и пѣсни. 19. и Очер. демон. малор. въ Москвитянинѣ 1842 г., XII, 115.

собность къ превращеніямъ мѣстами ограничивается лишь двѣнадцатью видами предметовъ, въ которые обращается вѣдьма, [1]) мѣстами-же такая способность признается почти неограниченной [2]). Вѣдьма превращается, между прочимъ, въ собаку съ женскимъ лицомъ, [3]) кошку, крысу, мышь; [4]) въ птицъ, [5]) змѣй, [6]) жабъ, [7]) лягушекъ, [8]) насѣкомыхъ [9]). Тѣ-же превращенія вѣдьмъ извѣстны и въ иностранномъ фольклорѣ. Шотландскія вѣдьмы преслѣдуютъ парней въ видѣ кошекъ; [10]) итальянки особенно часто превращались въ началѣ XVII в. въ кошекъ [11]), валлонки и фламандки въ собакъ, кошекъ, воронъ и сорокъ [12]), сициліанки въ жабъ и лягушекъ [13]). Какъ въ этихъ превращеніяхъ, такъ и особенно при полетахъ вѣдьмъ важное значеніе принадлежитъ мази, приготовляемой по западно-европейскому рецепту изъ человѣчьяго, особенно дѣтскаго жира, стружекъ отъ алтарей и церковныхъ часовъ [14]); по малорусскому—изъ кошачьяго мозга, собачьей кости и человѣчьей крови [15]) или только майскаго масла и сажи [16]). Уже

---

1) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., XII, 601.

2) Ивановъ. 195.

3) Ib. 180.

4) Ib. 162, 196.

5) Ib. 197., Москв. 1842 г., XII, смѣсь 112—120, Афанасьевъ. Рус. Нар. Ск.. изд. III, т. II, 329, Кіев. Стар. 1883 г., XI, 395.

6) Ивановъ. 176.

7) Зап. Имп. Рус. Геор. Общ., V, 19, 60.

8) Чуб. т. I, в., I 205

9) Ивановъ. 197.

10) Тэйлоръ. Первоб. культ. I, 289.

11) В. Поповъ. О колдуньѣ; Мишле. Время 1863 г., II, 65.

12) E. Monseur. Le folkl. wal., 85, 86. Is. Teirlinck. Le folkl. flamand. 102.

13) Arturo Trombatore. Folk—lore catanese. Torino 1896, 12.

14) Поповъ. О колд. 57, 61, 68, Канторовичъ 16, 70, 71.

15) Ивановъ. 170. Въ одномъ изъ разсказовъ Сборн. Иванова (171) вѣдьмы натираются корой осины.—Какъ согласить такое свѣдѣніе съ общеизвѣстною боязнью вѣдьмъ осины?

16) Манжура. Сб, Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 138, 139.

въ сказкѣ Апулея „Золотой оселъ“ Памфила, натершись подобной мазью, превратилась въ сову и улетѣла; затѣмъ французская вѣдьма, смазавшись мазью, кричитъ: emen hétan! и улетаетъ на лозинѣ;[1]) нѣмецкая вѣдьма, вымазанная мазью, летитъ нагая на помелѣ, кочергѣ, метлѣ; [2]) фламандскія вѣдьмы летаютъ на козлѣ, рѣшеткѣ, вилахъ, палкѣ, метлѣ. Вылетая, тоже кричатъ: „чрезъ трубу! выше деревьевъ, домовъ, выше всего!“.[3]) И малороссіянка, помазавъ подъ плечами „пурхне, якъ горобецъ, у-верхъ“ на коромыслѣ, чаще на мечикѣ изъ терницы.[4]) „Якось ночю зійшлысь видьмы у хату до хазяйкы, а наймытъ не спытъ, дывытся. Мотаются воны по хати, наварылы вареныкивъ и, хто ихъ зна, у-вищо вмочалы. Кажна зъисть вареныка и летыть уверхъ“. (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сизоненковой).

Шумной, безпорядочной толпой, какъ въ „Фаустѣ“ Гете, спѣшатъ вѣдьмы всѣхъ странъ, темной ночью, едва освѣщенной луннымъ, красноватымъ блескомъ блудящихъ огней на Guy de Dôme, Бараону, Брокенъ, Лысую гору въ свои собранія. Свѣдѣнія о малорусскихъ сборищахъ вѣдьмъ кратки и блѣдны, вѣроятно по незначительности процессовъ о колдовствѣ. Предсѣдательствуетъ видьмачъ, иначе вовкулака,[5]) приказчикъ,—вообще

---

[1]) Поповъ. Колд, 57, 61, 68. Гейне. Германія. Ш, 136.

[2]) Ib. 29, Канторъ. 5.

[3]) Teirlinck. 106, 116, 117.

[4]) Номисъ. Укр. прык., 3.

[5]) Слово вовкулака имѣетъ разное значеніе. Такъ называютъ: 1. жертвъ вѣдьмъ, но не тѣхъ вѣдьмъ, о которыхъ рѣчь, а болѣе искусныхъ, приближающихся къ типу Цирцеи. Иногда онѣ обращаютъ въ волковъ цѣлые свадебные поѣзды (Ивановъ. 205, 223, 224), чаще отдѣльныхъ лицъ. По-бѣлорусскимъ повѣрьямъ женщина обращаетъ въ волка на срокъ до семи лѣтъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. IV, 103). Теща обратила зятя въ волка за побои дочери. (Желѣзновъ. Библ. для чт. 1861 г., Ш, 11—16). Дѣвка, бросивъ ленту на измѣнившаго ей парня, обратила послѣдняго въ волка. (Кіев. Стар. 1894 г., VI, 543—545) Женщина достигла того-же, навязавъ на шею человѣку веревку (Чуб. Тр. I, в. I, 223). Вовкулаки этой категоріи, будучи жертвами вѣдьмъ, не могутъ имѣть надъ послѣдними

умѣряющій дѣятельность вѣдьмъ. Послѣднія только любезничаютъ съ чертями, не имѣя связи, танцуютъ, играютъ въ подобіе войнъ, въ куклы даже, согласно мѣстному разсказу.[1]) Въ западноевропейскомъ фольклорѣ, гдѣ вѣдьмачъ—ничтожество (Michilet. La sorcière), предсѣдательствуетъ самъ сатана въ собраніяхъ вѣдьмъ въ видѣ козла съ человѣческимъ лицомъ. Вѣдьмы садятся за ужинъ изъ кушаньевъ, не приправленныхъ солью, послѣ ужина танцуютъ въ маскахъ, рубашкахъ или голыя (молодыя, по замѣчанію Гете), обращаясь другъ къ другу спиной. Послѣ пляски идетъ месса на изнанку, а затѣмъ участники предаются физическимъ излишествамъ и противоестественнымъ порокамъ. Въ заключеніе сатана сжигаетъ себя, а вѣдьмы берутъ пепелъ для новыхъ злодѣйствъ.[2]) Дѣйствія вѣдьмъ разно-

никакой власти. 2. По общечеловѣческимъ вѣрованіямъ, есть люди, способные къ оборотничеству вообще и къ частной формѣ послѣдняго—превращенію въ волковъ. Кромѣ классическихъ разсказовъ о такихъ оборотняхъ, еще Денны въ Америкѣ управлялись *тиранами*, обращавшимися въ собакъ; по яванскимъ преданіямъ принцъ блуждалъ въ видѣ собаки. (C—te de Charencey. Le folk. dans le deux monde. 274). Дикари вообще вѣрятъ въ оборотней, *обращающихся* въ льва, тигра, гіенну и т. д. Въ судебныхъ процессахъ XVII в. обвиняемые показывали, что, натершись мазью, обращались въ волковъ, разрывали и ѣли дѣтей. (Спенсеръ. Основ. соціологіи 356, 357. Тейлоръ. Первобыт. культ. 288, 289, Канторовичъ. Среднев. проц. 77—81). Въ Катаніи жена отпираетъ дверь мужу вовкулакѣ послѣ троекратнаго требованія, иначе будетъ разорвана въ куски. (A. Trombatore Fl. cat. 18). Валлонскій вовкулака изорвалъ зубами передникъ жены (E. Monseur. Le Fl. wal. 85). Парень, замѣченный своимъ отцемъ въ видѣ волка, перекинулся волкомъ и навсегда убѣжалъ (Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1894 г., XII, 495—497). Хозяинъ обращался въ волка, перекидываясь черезъ пенёкъ (Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 35). О вовкулакахъ этой послѣдней категоріи народъ замѣчаетъ: «видьмамы заправля самый главный вовкулака, або видьмычъ» (иногда отаманъ, упыряка). (Ивановъ. 173. Манжура. 140).

[1]) Чубинскій. I, в. I.. 197, 205; Манжура, 140, Ивановъ. 215, 221, Ефименко. Судъ надъ вѣдьм. въ Кіев. Стар. 1883, XI, 378.

[2]) Гейне. Герм. III. 29, 137—143. Поповъ. Колд. 61, 72. Канторовичъ. Ср. проц. 6. Teirlinck. Fl. flam. 107.

образны; порой онѣ представляются невинной шуткой, шалостью, какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ.

„Старыкъ ишовъ зъ шынку пизно. Колышня́ ёго бье по ногахъ, винъ пада. Доходыть до свого двора,—валомъ переснована улыця. Якъ уплутавсь винъ у той валъ, крычыть: „ратуйте!“ Два чоловика вывелы ёго, довелы до дому, кажуть: „Парасю! визьмы свого чоловика.“ Тимъ же чоловикамъ не було валу, а старыку есть—обмарыло“. (Отъ кр. м. Снѣтина Н. Ивахненка).

„Пишлы мы на риздвяныхъ святкахъ на досвиткы, на грыще, на Дивынщыну [1]). Дийшлы на солонци. Морозъ—ажъ скалкы скачуть. Мисяшно. Насъ чотыри йде. Де взялась горохова копыця, коло насъ кругомъ вертытся; що мы ступымъ, то вона не дае ходу, а въ насъ ни въ одного нема й палыци. Мы й просымъ: „пусты насъ, дай намъ ходъ.“ Вона й посунулась на кладовыще“. (Отъ него-же).

Къ менѣе опаснымъ дѣламъ вѣдьмъ можетъ быть причислена ѣзда на парняхъ, какъ въ Гоголевскомъ „Віѣ“ и параллельныхъ ему народныхъ сказкахъ [2]), и принужденіе людей летать съ помощью тирлича (volantia minor) [3]). Но, затѣмъ, уже ассирійская вѣдьма, вкрадываясь въ дома, отравляетъ пищу, изводитъ людей глазомъ, языкомъ, узлами, зельями, питьями, чарами [4]); западно-европейская—также умерщвляетъ, похищаетъ,

---

1) Снѣтинскій кутокъ.

2) О ѣздѣ вѣдьмы на парняхъ см. въ моемъ очеркѣ «Къ вопросу объ источн. Вія» (Кіев. Стар. 1896, IX, 46—48). О распространенности главнаго мотива «Вія» свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сказка племени Ба-Ронка, живущаго по берегамъ Делагоа, о принцессѣ, поставленной въ гробу въ церкви. Принцесса съѣла нѣсколькихъ солдатъ, пока послѣдній охранитель не накормилъ и не напоилъ ее виномъ, чѣмъ избавился отъ смерти. (Junod. Les chants et les contes des Baronca. Lausanne. 1897. 317—322).

3) Чернов. Обр. 19, Квитка. Конот. вѣдьма. 228—230. Номисъ Укр. Пр. 5, Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 39.

4) Вс. Миллеръ „Ассир. Закл.“ Рус. Мысль 1896 г., VII 72—73.

портитъ дѣтей, содѣйствуетъ выкидышамъ и рожденію уродовъ; отымаетъ производительныя силы супруговъ, поселяя семейные раздоры между ними, по ночамъ душитъ людей въ видѣ Nachtmaar [1]). И малорусская вѣдьма ходитъ [2]) по ночамъ съ ведромъ и точитъ кровь изъ сонныхъ, умерщвляетъ людей, похищаетъ или портитъ дѣтей, „очыма ихъ йисть"; пожираетъ трупы [3]). Переходомъ отъ вредной дѣятельности вѣдьмъ, направленной исключительно на личность къ имущественному вреду, является заламываніе закрутокъ на болѣзнь, смерть, падежъ, убытки, усыханіе лѣса [4]), порчу хлѣба [5]). По мѣстнымъ сказаніямъ закрутки дѣлаются такъ. „Видьма бере зверху пашню, скрутыть навпакы, переламуе пополамъ, загне до кореня и до земли у кустыкъ заткне. Не можна зжынать; хто зажне—заболіе, або вмре." Закрутки дѣлаются на зарѣ въ одной рубашкѣ [6]). Въ узелъ залома кладутъ золу, соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, зерна, уголь [7]). Похищеніе звѣздъ вѣдьмами можетъ быть также разсматриваемо, какъ убыточное дѣйствіе. „Звиздохватка знима свитову и полуношню зирку, шобъ не було дощу и для того, щобъ пивни не спивалы, щобъ ій вильно ходыть цилу ничъ". „Дивка полизла на небо та зняла зирку, такъ са-

---

1) Teirlinck. Le fl. flam. 103, Monseur. Le fl. wal. 85. 86. 89, Trombatore. Fl. catan. 15; Канторъ. 4, 71, 99.

2) Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣдьма блуждаетъ или какъ обыкновенная женщина, или же летитъ одна ея душа, а тѣло остается на мѣстѣ. (См. мою «Зам. по поводу вал. и сиц. фолькл. сборниковъ въ Кіев. Стар. 1898 г. VII, VIII, 3—5). По нашимъ народнымъ, также сицилійскимъ и средневѣковымъ французскимъ повѣріямъ, душа вѣдьмы, возвратясь и найдя тѣло перемѣщеннымъ, не можетъ уже войти въ него. (E. Langlois. Origines et sources du Roman de la rose. Paris. 1891, 167).

3) Очер. демон. Малор. Москв. 1842, XII, 112—120. Чуб. т. I, в. I, 204 и т. II, 410. Ивановъ 207.

4) Литвинова. Кіев. Стар. 1899, III, 140.

5) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. I, 348.

6) Литвинова 140.

7) Даль. О повѣр. 71.

рана и вылетила,—одъ того и повелась"—разсказываютъ крестьянки. Для того, чтобы снять звѣзду, вѣдьма лѣзетъ на крестъ вверхъ ногами [1]), или—вверхъ по острію ножа [2]); снятыя звѣзды хранятся закопанными въ кувшинахъ или горшкахъ [3]). Давно уже наука сблизила это похищеніе звѣздъ малорусской вѣдьмой съ общечеловѣческими повѣрьями объ уничтоженіи, поврежденіи и кражѣ свѣтилъ во время затменій. Дикіе тогда вопятъ, шумятъ, стрѣляютъ, желая отогнать враждебный духъ, угрожающій свѣтилу. Въ лѣтописяхъ затменія разсматриваются какъ ущербъ или погибель свѣтила. Лоухи заключаетъ въ скалу солнце и луну, ѳессалійская колдунья послѣднюю въ коробку [4]). Флоберъ, приводя въ „Искушеніи св. Антонія" различныя вѣрованія, между прочимъ замѣчаетъ: „La lune tremble sous l'incantation des sorcières." По народнымъ представленіямъ вѣдьмы наносятъ значительный вредъ произвольнымъ управленіемъ стихіями. Такое представленіе принадлежитъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ вѣрованіямъ. Коринѳъ, напримѣръ, содержалъ укротителей вѣтровъ [5]). У кафровъ колдунъ называется дѣлателемъ дождя [6]). Въ современной Бельгіи народъ вѣритъ, что вѣдьма движеніемъ руки [7]) или метлы сводитъ молнію, производитъ бури, опрокидывающія дома и мельницы, срывающія крыши, деревья [8]). И наша украинская вѣдьма насылаетъ грозу, градъ, вихри, мятель, снѣгъ, морозы, отымаетъ

---

[1]) Чубинскій I, в. I, 198.

[2]) Въ моемъ соч. «Объ источ. Вія». Кіев. Стар. 1896, IX, 47.

[3]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1890, I, 60, Манжура 134, Москв. 1842, XII, 112.

[4]) Аѳанасьевъ. Зоомор. бож. III, 6, 8, 9, 12; Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1890 г. I, 61. Даль о повѣр. 61.

[5]) Сумцовъ. Кіев. Ст. 1889. I, 77.

[6]) Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'apr. l'anthrop. et l'hist. Paris, 1892, 95.

[7]) Ср. въ «Конот. вѣдьмѣ» Квитки: Пазька... куды махнула рукою, туды и хмары пійдуть. (203, 204)

[8]) Monseur. 88; Teirlinck. 106, 107.

росу и запираетъ дождевыя тучи въ комору или горшокъ въ видѣ лягушки. Однажды парень, вынувъ по указанію вѣдьмы колъ, вызвалъ обильный дождь [1]). Вѣдьмамъ иногда приписываютъ и порчу полей воробьями, гусенью, ржавчиной, садовъ— плодожорками [2]).

Наконецъ особый видъ вреда, причиняемаго вѣдьмами, составляетъ порча ими скота вообще и тельныхъ коровъ въ особенности. Она отымаетъ молоко у послѣднихъ не только непосредственно, но и на разстояніи. Въ одномъ изъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, невѣстка отомкнула чопъ въ сохѣ, откуда полилось молоко, а свекровь прибѣжала, крича: „усю череду повалыла“ [3]). Вѣдьма, кромѣ коровъ, доитъ еще: собакъ, кошекъ, жабъ, ящерицъ, гадюкъ [4]), почему и въ маслѣ, приготовляемомъ вѣдьмой, есть „гадюче, жабьяче, черепаше“. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности вѣдьмъ, по народнымъ понятіямъ, весьма значителенъ, но есть извѣстные разряды лицъ, по самой природѣ своей изъятые изъ этого круга; таковы перворожденные [5]), послѣдніе въ семьѣ и седьмые, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Ишла я зъ матирью. Собака била, а очи червони, сыдила пидъ тыномъ. Може-бъ вона матирь зняяла, такъ воны идуть та просять: „не займай, я тоби ничого не заподіяла. А я у матери сёма, такъ мене не займе. Первого, сёмого и мызынкы— не займа“. (Отъ М. Скрыпчиной, м. Лукомья).

„Ишла я зъ поля, думала, шо буркуныпа цвите. Дойшла, колы кишечка лащытся до мене, а занять не займе. Ишла за мною ажъ до-дому, а не займе—шо я сёма“. (Отъ нея-же).

Остальное человѣчество предохраняетъ себя отъ вѣдьмъ различными средствами и пріемами. Макъ, конопля, крапива и

---

[1]) Москв. 1842 г., XII, 112—120. Аѳанасьевъ. Зоомор. бож. III, 13, 16. Даль. О пов. 61, Ивановъ. 214, Чернявская, 5.

[2]) Москв. 112—120, Канторовичъ 5, Teirlinck. 103.

[3]) О томъ же у Чубинскаго, I, 203. Иванова, 178.

[4]) Квитка. Кон. вѣдьма, 203.

[5]) Ивановъ. Раз. о вѣдьм. 190, 192.

др. средства обороны малоруссовъ, шиповникъ—грузинъ, звѣробой (hypericum perforatum. L., l'hypéricon), лютикъ (polygonatum multiflorum. L.)—западно-европейцевъ [1]). Въ Римѣ въ Иванову ночь продаются метлы, предохраняющія отъ вѣдьмъ. Въ Падуанской провинціи женщины въ ту-же ночь катаются по росѣ, предохраняя себя такимъ образомъ отъ вѣдьмъ [2]) Грузинъ и бѣлоруссовъ предохраняютъ тогда-же отъ вѣдьмъ костры [3]). Охраняющими отъ вѣдьмъ животными признаются: перворожденная собака [4]) и пѣтухи, какъ видно изъ слѣдующаго. „Той пивень, шо манисенькимъ спива и у его тры пирьины бильшыхъ, и видьмы ти пирьины вырывають, шобъ не рано спивавъ". „Пивень почакунъ, шо найперидъ спива; якъ винъ заспива, то вси пивни спивають". „Баба зибрала у мирку тихъ курчатокъ, шо тыждень якъ вылупылысь, и взнала, де пивныкы, де курочкы. Тоди давай заразъ валашыть пивныкы; а ти москали, що стоялы на кватыри, пытаются: „на шо ты, бабушка, такъ дѣлаешъ?" Вона говорыть: „оце на то я, диточкы, роблю, шо той пивень, шо валашеный [5]), за дванадцять дворивъ не допустыть видьмы до оселі. Якъ видьма иде, то винъ почуе, та заспивае, такъ вона николы не дойде до того двору." Къ выгодамъ первородства принадлежитъ возможность увидать вѣдьму безъ всякихъ особыхъ приготовленій; другіе, желающіе ее увидѣть, должны засѣдать за тѣнью: „проты тини вона не побачыть." Лучше всего засѣдать за бороною, начатою утромъ и конченною до захода солнца [6]), хотя борона и не всегда

---

[1]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889. V, VI, 305 и VIII, 425, Сумцовъ. Совр. этногр. Кіев. Ст. 1892 г. II, 212, Чуб. I, 8. Кіев. Стар. 1895 г., VII и VIII. Докум. 12, Даль. О пов. 63. Teirlinck. Le Fl. flam. 109.

[2]) Tuchmann. La fascination. въ Melusine 1899. T. IX, Mai—Iuin 200.

[3]) Вѣстн. Евр. 1868. II, 552, Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 61, 721.

[4]) Чуб. I, 53, Ивановъ. 177, 180, Кіев. Стар. 1894. III, 553.

[5]) Каплунъ.

[6]) Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 37.

может предохранить отъ внушенія. Напримѣръ: „Чоловикъ засидавъ за бороною. Видьма прыйшла и пытае: „сыдышъ за бороною, то й говоры изо мною“. Винъ окамянивъ и сыдивъ. Выйшла ёго жинка, борону остановыла и въ хату ввела“. (М. Снѣтинъ).

Подобные же разсказы приведены въ вышеуказанныхъ сборникахъ: Кулиша (38) и Иванова (177, 180 и др.) Увидѣвъ вѣдьму, нужно схватить ее сзади, „ловыть за вьязы, або за волосья, бильшъ ни за вищо не вдержышъ; брать треба зверху, рукою на выдли. Якъ возьмешъ видьму, то рукы не росправляй и не переминяй, такъ и держы; якъ росправышъ—вона выскочыть—и нема, пишла“. „Бувъ парубокъ и ходывъ на улыцю. Его видьма не разъ была, а винъ не знавъ, што й казать. Сказавъ ёму батько: „хватай іи на выдли, то прынесешъ. Выйшовъ винъ; клубокъ ставъ проты ёго котыться. Винъ схопывъ на выдли; прынисъ до дверей, ставъ у другу руку брать,—незнать, де й дилось. Батько сказавъ: „не переминяй у другу руку; якъ узявъ, такъ и несы“. Винъ понисъ у хату, поставывъ въ кочергахъ на швайку. Уставъ утромъ, ажъ сыдыть жинка, плаче“. (Отъ Д. Сизоненковой, м. Снѣтина).

Вѣдьму ловятъ еще, вбивъ гвоздь въ то мѣсто на стѣнѣ, гдѣ легла тѣнь отъ вѣдьмы [1]). Непойманную на дѣлѣ, а только подозрѣваемую вѣдьму, подвергали прежде испытанію водой. Такое испытаніе, или ордалія, извѣстно повсемѣстно и не только средневѣковымъ, но и древнимъ, также дикимъ народамъ—полинезійцамъ, краснокожимъ, африканцамъ, и основано на убѣжденіи, что вода отвергаетъ виновнаго, почему онъ не тонетъ [2]). Въ XVIII, даже въ XIX в. еще купали вѣдьмъ въ правобережной Украинѣ [3]), но о купаніи ихъ въ лубенскомъ у., и, ка-

---

[1]) Москв. 1842 г., XII, 115.

[2]) Comte Goblet d'Alvilla. L'idèe de Dieu. 196. Гейне. Германія. III, 30. Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889, I, 83—89.

[3]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. II, 346, 347. Ефименко. Суд. надъ вѣдьм. Кіев. Стар. 1883. XI, 387, Кіев. Стар. 1885, XI, 567—570.

жется, во всей центральной лѣвобережной Малороссіи, не сохранилось никакихъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Топленіе вѣдьмъ было не только испытаніемъ, а и казнью [1]). Гораздо чаще однако колдовство въ западной Европѣ наказывалось сожженіемъ, особенно въ XVI и XVII в., а въ Польшѣ и въ XVIII. Еще въ 1793 г. сожжено 14 женщинъ возлѣ Кракова [2]). Польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить случаи сожженія вѣдьмъ въ 1827 и 1831 гг. въ Галиціи въ засуху и холеру [3]). Бывали и въ Великороссіи рѣдкіе случаи сожженія колдуній [4]). Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранился намекъ на этотъ родъ казни:

Купальской ночи
Выпекли вѣдзьмы очи...
Забью вѣдзьму кочергою,
Спалю вѣдзьму головунею [5]).

Въ средней же Малороссіи, гдѣ народъ былъ предоставленъ нѣкоторое время самому себѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на сожженіе вѣдьмъ. Повидимому здѣсь оно никогда не имѣло мѣста. Въ народной мѣстной расправѣ надъ вѣдьмами преобладаютъ побои, соединенные съ истязаніями, поврежденіями, рѣдко—со штрафомъ, какъ видно изъ слѣдующаго. „Одна хазяйка въ-ночи прокынулась,—бачыть: жинка безъ очинка и въ сорочци корову доить,—чуть, якъ молоко дзюрка. Хазяйка та взяла лопату, прыбигла, трычи вдарыла, та не влучыла по видьми, а по земли. Хто хоче влучыть видьму, хай бье по іи тини“ [6]). (Отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина).

---

[1]) Сумцовъ. Культ. Пер. Кіев. Ст. 1889 г., I, 83—89.

[2]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, вып. II, 325, 326, Ефименко. Кіев. Стар. 1883 г., XI, 388, 392—394. Канторовичъ. Средн. проц. 178.

[3]) Потебня. Объясн. Малор. пѣс. II, 436.

[4]) Канторовичъ. 210, 216.

[5]) Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. V, 426, 454.

[6]) У фламандцевъ сдоенное послѣ вѣдьмы молоко ставятъ въ печь и бьютъ по немъ палкой, вѣря, что эти удары получаетъ сама вѣдьма (Teirlinck. 103). О побояхъ и истязаніяхъ вѣдьмъ см. вышеприведенные сборники и статьи: Чубинскаго, Ефименка и Иванова.

„Одынъ вовкулакъ парубковавъ и дивка ёго любыла, а винъ іи не хотивъ. И хотила вона зъ ёго посміяться ночю; схватылась ёму на плечи, а винъ іи за передни лапы узявъ и пишовъ зъ хлопцями. Заходять на досвиткы, и винъ іи посадывъ на лавци. Дивкы сталы сміяться зъ тіи собакы, хлопци хотилы быть. Винъ каже: „не быйте, хай гуля.“ Сыдыть вона на покути. Потимъ идуть на други досвиткы. Бере іи на плечи той парубокъ та й несе. Обносывъ уси досвиткы, и вона нагулялась, и тоди лапы взявъ передни та й порозризувавъ и сказавъ: „ступай соби, та бильшь не зважуйсь того робыть.“ (Отъ И. Христича, с. Пѣсокъ).

„Зъ досвитокъ ишлы парубкы, душъ шисть, и де взялась сучка и вдарылась у ногы. Воны вси поторопилы и кажуть: „шо воно таке? Поймать іи.“ Упіймалы и занеслы на досвиткы. Вона давай скакучать, рукы лызать имъ. Той каже: „лапу іи одирвать,“ другый—„ухо одризать.“ А третій каже: „знаете шо?—ротъ розирвемъ.“ Розидралы ій ротъ и выпустылы іи. „Теперъ мы взнаемъ, хто такый“! И оказалась баба—лежыть, нездорова. Выйшла невистка на улыцю, пытають іи: „де-жъ маты?“—Лежыть больна.—Чимъ?—Ротъ болыть. Стала вона крыворота. Узналы, шо видьма настояща, а то тилько подейкувалы на неи“. (М. Снѣтина).

„Манчыха—була скажена баба: кача по дорози, гуде, свыню пидкыда. Чоловикъ пидъ коровою заставъ та й око выбывъ пидпорою“. (Отъ Г. Мартыщенка, с. Литзяковъ).

„Я вже дивчыною велыкою була, а въ мене титокъ дви. Воны ходылы на улыцю. Одна прыйшла ранійше, а друга прыстояла зъ хлопцемъ та иде посли до-дому, пизнійше. Иде, колы доить коровы щось у-ночи. Вона прыстояла, подывылась,—стоить жинка безъ запасокъ, безъ очипка, доить корову. Дійныця велыка, якъ дижка, и ременякою зачеплена за щыю. Пишлы хлопци та взялы видьму у загороди пидъ коровою, увелы въ хату. Дядько каже: „по'друбую рукы.“ А вона впала въ ногы, якъ узяла просыть, та'ддала имъ пивъ огорода свого и прынесла юпку билу, шобъ не явылы, шо вона була; дивци по-

дарувала днище и сказала: „а молоко высыпте на тикъ и розметить митлою и прыбыйте осыковымъ килкомъ, то не то я вже не пиду, а нихто не пиде у вашъ двиръ.“ Якъ высыпалы молоко, такъ така калюжа—куды вамъ! мовъ писля дощу“. (Отъ К. Прихидькиной, м. Снѣтина).

И естественная смерть вѣдьмы тяжела [1]). Для облегченія страданій она должна передать свою силу кому-нибудь, напримѣръ дочери; послѣдняя тотчасъ дѣлается вѣдьмой [2]). Для облегченія предсмертныхъ страданій вѣдьмы сверлятъ еще чиринь на печи и срываютъ крайній сволокъ [3]). Послѣдній пріемъ представляется, быть можетъ, воспоминаніемъ о древнемъ обыкновеніи дѣлать въ могилахъ и гробахъ отверстіе для выхода души, оставшемся у готентотовъ, самоѣдовъ, краснокожихъ и фиджійцевъ [4]), для чего служила и посмертная трепанація черепа [5]). Мѣстные народные разсказы рисуютъ смерть вѣдьмы такими чертами.

„Видьма умирала трудно, провертилы стелю та впала глыва ій на губы, вона й кончылась. Выйшлы жинкы зъ хаты, колы чорный собака выскочывъ спидъ стели“. (М. Якимовская, м. Лукомья).

„Въ одного чоловика маты була видьма. Вона стала вмирать, та шо збунтуется умирать—ніякъ не вмре. Чужа баба сказала: „прорубайте въ стели диру, вона вмре. Прорубалы,—вона й умерла“. (А. Ризниченкова, с. Волчка).

„Занедужала велыка знахурка и видьма, пролежала недилю, чы дви; потимъ прыйшлось розризняться души зъ тиломъ. Реве, языкъ вывалыла, якъ блюне кровью, ризаною [6]) такою, просыть: „зорвить стелыну, то я швыдче умру“. Узялы зирвалы

---

[1]) Ивановъ. 216.

[2]) Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1896 г., IX, 242.

[3]) Мои Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 166.

[4]) Comte Goblet d'Alviella. Lidèe de Dieu 24.

[5]) Ib. 25.

[6]) Красной.

стелыну, то вона стала ревты, такъ якъ на рековыщи скотъ. Люды повтикалы зъ хаты геть уси, покы вмерла." (Е. Купріева, д. Шекъ).

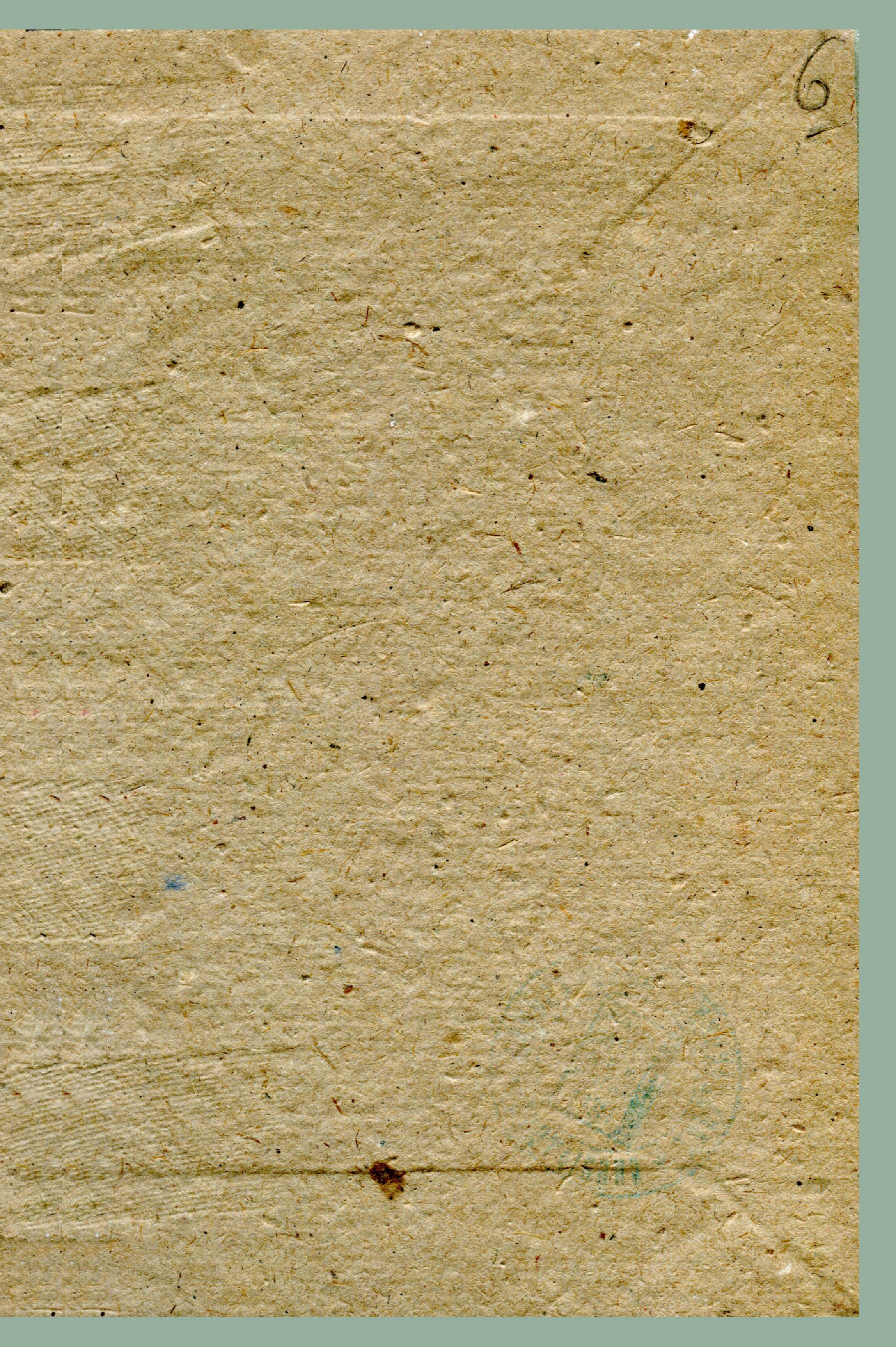
„Домаха заболила якъ и слидъ, а потимъ стала ничого не понимать; лежыть, а два іи сыны и двп дочкы держять за рукы и за ногы, а чуже боится прыступыть до неи. Лежыть вона, зареве, мовъ скотына, не людськымъ гласомъ, гавка, якъ собака, обома рукамы доить, мовъ корову. Воны мучылысь, мучылысь, що сумно людямъ чужимъ, та сталы чиринь вертить свердломъ, такъ якъ дерево, зрывалы й стелю. Вона й умерла. Братъ ридный ходывъ іи убирать, чужи боялысь; такъ зъ неи стала кровъ иты, бигла до порога; и ночвы пидставлялы пидъ лаву. Нагнало іи—така, якъ бочка..." (П. Кириленкова, с. Тишокъ).

„Якъ видьма умирала въ Кремянци, то за одынъ день не вмерла. На другый день уже зовсимъ умерла; сталы убирать—вона реве, якъ корова. Іи уси покынулы, поросходылысь и стелыну зирвалы. Колы на третій день дивка бижыть до сусиды, просыть: „идить, бо маты вмирае." Сталы іи вбирать, а вона було вмерла, а то зновъ не хоче. Уже на пьятый день прыйшла дивка зновъ и каже: „идить, уже маты вмерла." Узялы борошна, сала—чого треба, и пишлы. Посходылысь. До вечора диждалысь, заховалы іи. А вона—та, що вмерла—прыйшла до дочкы и каже: „скыньте зъ мене запаску, бо не таку надилы". Имъ було-бъ надивать сыню, що до плахты, а воны надилы чорну, ту, що жинкы у будень носять. Ще разъ прыходыла вона до дочкы, ище щось зъ нею прыходыло биле. Такъ одъ того часу дочка уже не жыла въ тій хати—закляте мисто". (М. Романченкова. с. Волчка).

Изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что малорусскіе народные разсказы и повѣрья о вѣдьмахъ, сходясь въ мельчайшихъ подробностяхъ съ западно-европейскими, открываютъ любопытныя черты древнѣйшаго міросозерцанія человѣчества: вѣру въ оборотничество, основанную, по мнѣнію Спенсера, на постоянныхъ измѣненіяхъ растительныхъ и животныхъ

формъ въ самой природѣ; вѣру въ двойственное существованіе, т. е. въ дѣятельность души, отдѣльную отъ тѣла, основанную на представленіи о реальности сновидѣній; вѣру въ возможность произвольно управлять стихіями и похищать звѣзды, основанную на незнаніи законовъ природы и величины небесныхъ тѣлъ. Только правовыя западно-европейскія и малорусскія воззрѣнія на вѣдьму замѣтно расходятся. Нашему юридическому быту не былъ извѣстенъ такой исключительный порядокъ судопроизводства о вѣдьмахъ, какъ на западѣ, съ тюрьмой въ качествѣ единственной мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда, пыткой, исключеніемъ защиты, безаппеляціоннымъ приговоромъ, усиленной смертной казнью, конфискаціей всего имущества у семьи обвиненной. Причины сравнительно снисходительнаго отношенія малорусскаго народа къ вѣдьмамъ заключаются, между прочимъ, въ представленіи о врожденности способностей вѣдьмы, исключающемъ злую волю; въ слабомъ развитіи въ народномъ воображеніи представленій о договорѣ съ дьяволомъ; въ отсутствіи въ украинскомъ прошедшемъ всякихъ ересей,—слѣдовательно и ереси колдовства, и отсюда въ полномъ невмѣшательствѣ духовенства въ вопросы о вѣдьмахъ.

6